

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Мария
Очаковская

ПРОКЛЯТИЕ ВИЗАНТИИ
И МОНЕТА ИМПЕРАТОРА
КОНСТАНТИНА

Татьяна Устинова рекомендует

Мария Очаковская

**Проклятие Византии и монета
императора Константина**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Очаковская М.

Проклятие Византии и монета императора Константина /
М. Очаковская — «Эксмо», 2016 — (Татьяна Устинова
рекомендует)

ISBN 978-5-699-85978-8

Профессор археологии Дмитрий Сергеевич Лобов занимался привычным и любимым делом – возглавлял археологическую экспедицию в Новгородской области. Как-то в лагерь пришла местная знахарка и сказала, что грешно разорять чужие могилы, но ученые, конечно, не приняли эти слова всерьез. Вскоре после ее визита было обнаружено захоронение воина, а при нем огромный меч, золотой византийский кубок с орнаментом, золотая монета с изображением императора Константина и другие артефакты. Археологи ликовали, а вот рабочие из близлежащей деревни стали роптать и отказались работать дальше. Лобову пришлось уехать по делам в город, а когда он вернулся, то обнаружил страшную картину: рабочие слегли с непонятной болезнью, очень напоминающей черную оспу, несколько человек уже умерло. А самые ценные золотые находки бесследно исчезли...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85978-8

© Очаковская М., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Татьяна Устинова	6
Пролог	7
1. Телефонный звонок	9
2. Дурни	13
3. На даче в Абрамцеве	14
4. Мало ли в горах людей пропадает...	18
5. Лозовое	20
6. Хороший дачный сосед и детективный клуб	23
7. Торновский[6] раскоп. Гипотеза Дмитрия Сергеевича Лобова	26
8. Черный коп	31
9. Маша Калашина и ее план	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мария Очаковская
Проклятие Византии и монета
императора Константина

© Очаковская М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Татьяна Устинова

«Золотое сечение детектива»

Новый детектив Марии Очаковской полон археологических загадок, мистических артефактов, страшных проклятий и таинственных злодеев. «Проклятие Византии и монета императора Константина» – очаровательный и будто бы немного викторианский аттракцион, выдержанный в духе «Копей царя Соломона» Генри Райдера Хаггарда или «Затерянного мира» Артура Конан Дойля.

«Проклятие Византии и монета императора Константина» – по-настоящему легкое, увлекательное, однако отнюдь не пустое чтение: погружение в блестяще выдуманный мир дарит лакомое ощущение прикосновения к древней тайне, подкупает возможностью прикоснуться к чему-то почти позабытому, скрытому, очень запретному и безгранично притягательному. Читать новый детектив Марии Очаковской – все равно что вести раскопку античного города, заранее предвкушая: впереди ждет самое великое открытие современности.

«Проклятие Византии и монета императора Константина» Марии Очаковской – это концентрированное приключение, а я приключения обожаю. Отдельным и особенным образом я обожаю такие, которые можно получить, сидя с книгой на диване, болтая ногами в тапочках и запивая удовольствие крепким чаем. Может, всё дело в этом?.. Может, именно безопасностью приключений «Проклятие Византии и монета императора Константина» меня подкупила? Пожалуй, нет, не только!

Мария Очаковская – как все хорошие авторы – немного алхимик. В каждой книге она, подобно магам-искусникам стародавних времен, пытается вывести свою формулу философского камня, превращающего свинец в золото, а простой текст – в завораживающую историю. И, кажется, очередной опыт завершился грандиознейшим триумфом: Марии удалось подобрать и соединить в верной пропорции все важнейшие компоненты, получив «золотое сечение детектива» – закрученную интригу, изящно выписанный антураж, захватывающий саспенс и любовную историю.

Очень давно мне не попадала в руки столь насыщенная, дразнящая и разжигающая аппетит к чтению книга. «Проклятие Византии и монета императора Константина» получилась великолепно запутанным, полным тайн и интриг детективом – Мария Очаковская виртуозно выстроила весьма замысловатый, многоуровневый сюжет, не допустив не единой промашки. История вышла объемной, сложной, со множеством персонажей и неожиданных поворотов, но вовсе не перегруженной.

Разведенный профессор археологии Дмитрий Лобов совсем не похож на Индиану Джонса или Аллана Квотермейна. Но когда он отправляется на раскопки в Новгородскую область, кажется, что за ним по пятам следует смерть. Люди, с которыми он когда-то работал, один за одним умирают. Что это – цепь нелепых случайностей, злой рок, неизвестная болезнь, проклятие или чей-то холодный расчет? Теперь, когда его экспедиция совершила выдающееся открытие, он становится еще более уязвим. В конце концов Лобов понимает: он сам оказался на линии огня. Чтобы спастись и сохранить работу всей своей жизни, ему придется основательно покопаться в собственном прошлом и понять, что связывало всех жертв безжалостного убийцы.

Ах, Мария, что же вы натворили своим новым детективом? Пойду перечитывать Хаггарда и Дойля. А вам, уважаемые читатели, очень повезло – у вас новая книга Марии Очаковской еще впереди!

Пролог

День был ветреным и солнечным. На море вихрились белые барашки. К плавному плеску набегающей волны примешивались голоса детей, резвящихся на набережной. Оседлав трехколесный велосипед, плотный малыш в синем вязаном колпачке энергично крутил педали, то и дело выкрикивая что-то воинственно-ликующее и оглядываясь на следовавшего за ним деда – худощавого старика с боцманской бородкой. Тот довольно кивал, отвечая внуку, по-военному чеканил шаг, под мышкой у него торчал большой плюшевый крокодил.

Глядя на эту парочку, лысеющий господин в сером пальто вздохнул и устремил взгляд на море, отгоняя грустные мысли о том, что им с женой, видно, так и придется доживать свой век вдвоем. Что поделать, не дал Бог детей.

Впрочем, настроение у господина в сером пальто в тот день было вовсе не печальное. Вытащив из кармана журнал, он присел на лавочку, пряча в шарф улыбку.

Подумать только! Сегодня впервые в жизни у него попросили автограф! Вот так просто подошли к его столику в кафе и попросили подписать книгу. Бывает же! По фотографии узнали. Хотя, казалось бы, книга вышла уже два года назад, тираж небольшой, издание для специалистов, довольно скромное, но на задней обложке поместили его фото.

– Вот она и пришла, слава! – пошутил про себя мужчина. – Лучше поздно, чем никогда. И как хорошо потом посидели в кафе, пообщались. Тут и вопросы пошли. Приятно! Черт возьми! – Он уже раскрыл журнал и намеревался приступить к чтению, но вдруг обнаружил, что лавочка, на которой он сидит, липкая – на руке остался след белой краски.

– Вот растяпа! Теперь пальто пропало! – Господин резко вскочил на ноги, завертелся, оглядываясь за спину. – Ну, разве так делается! Хоть бы объявление повесили.

Внезапно его сильно качнуло, и он едва удержался на ногах.

– Видно, началось головокружение от успехов... – усмехнулся он, вспомнив про кафе.

Но тут его снова занесло в сторону. Он неловко взмахнул руками, журнал выпал, белая крашенная лавка накренилась, как бывает на корабле в шторм. В голове все закружилось. Он хотел поднять свой журнал, но не смог.

– Что это со мной? – в растерянности пробормотал мужчина, пошатываясь и пытаясь найти опору.

– День на дворе, а этот уже набрался! – брезгливо обойдя его, рывкнула какая-то толстая женщина.

Другие проходили молча, бросая недовольные любопытные взгляды на пьяницу в испачканном пальто, которого бросало из стороны в сторону.

– Мне нехорошо. Помогите. Врача. Вызовите «Скорую», – чуть слышно бормотал мужчина, неловко протягивая вперед руки, вглядываясь в лица прохожих, которые расплывались у него перед глазами, превращаясь в бесформенные белые пятна.

Все вокруг стало бледнеть, меркнуть... и набережная, и каменный парапет, и кипарисы... Тело пронзила резкая боль. Все внутри обожгло огнем. Оступившись на ровном месте и не найдя опоры, мужчина упал, уткнувшись лицом в зимнюю, без единого цветка, клумбу.

– Врача! Помогите! – с трудом приподнявшись, прошелестел он одними губами.

Глядя на черную, смоченную недавним дождем землю, он внезапно понял, что сейчас умрет. В голове его замелькали образы. «Значит, правду говорят...»

А следом выплыла картинка, ясная, четкая, пронзительная, как они в деревне с пацанами червей копают – будто не было в его жизни больше ничего более стоящего, значимого... Вот он стоит и босой ногой на лопату давит. Лопата – вжик, и легко в почву входит, а земля рыхлая, жирная, мягкая...

– Вот оно что... Как же я раньше не догадался! Оказывается, в ней все дело, вся суть... – выдохнул он в склонившееся над ним лицо-блин. – Теперь я понял, понял, я знаю...

– Потерпи, браток, сейчас «Скорая» приедет, – сказал старик с боцманской бородкой.

– Я знаю, в земле... истина...

1. Телефонный звонок

*[...] Есть град между небом и землей. К нему едет посол без пути,
сам немой, везет грамоту неписанную... —*

Фрагмент берестяной грамоты № 10, Неревский раскоп, XIV в.¹

Лобов зашнуровал ботинки, взял дорожную сумку, ключи и направился к выходу, но стоило ему открыть дверь, как за спиной пронзительно зазвонил телефон.

«Мама!» – обреченно подумал он. Собственно, кроме нее по этому допотопному, висящему на стене в прихожей телефону больше звонить некому. Все мамины подруги знали, что до середины мая хозяйка – в санатории, сам же Дмитрий Сергеевич давно перешел на мобильную связь.

Постояв секунду-другую в нерешительности, он вернулся и снял трубку, в глубине души понимая, что делает это зря.

– Лобов Дмитрий Сергеевич? – резанул из динамика незнакомый голос с отчетливым фрикативным «г» и в ответ на утвердительное «угу» продолжил: – Вас беспокоит Сочинское ГУВД, старший оперуполномоченный капитан Неверов. Трудненько вам дозвониться, я уже не первый раз вас застать пытаюсь. А сегодня, значит, повезло!

«Смотря кому!» – вздохнул про себя Лобов, подавляя желание немедленно положить трубку и отправиться по своим делам.

Начало разговора он слушал невнимательно, но через мгновение телефонная трубка чуть не выпала у него из рук:

– ...тело женщины было обнаружено на автобусной остановке Загородного шоссе, на вид умершей лет пятьдесят, рост сто семьдесят сантиметров, крашеная блондинка, довольно-таки пышной комплекции. Я так подробно вам излагаю, чтобы вы могли представить себе ее внешность, потому что никаких документов при ней мы не нашли...

Дмитрий слушал, не перебивая, и поскольку никто из его родственников, друзей и близких знакомых под эти приметы, к счастью, не подходил, сделал вывод, что на том конце провода разыгрывается страшная, но бесконечно далекая, чужая трагедия:

– Очень сочувствую. А отчего умерла эта женщина?

– Отравление метиловым спиртом, вероятно, некачественная водка, хотя по виду и не скажешь, что умершая алкоголем злоупотребляла...

– Печально, – перебил он геккающего капитана. – Но позвольте задать вопрос: почему вы обратились с этим именно ко мне?

– А разве ж я вам не сказал? – удивился тот и почему-то усмехнулся. – В сумочке умершей была обнаружена ваша визитная карточка, с этим вот красивым московским номером телефона, по которому я вам сейчас звоню.

По спине Лобова волной пробежали мурашки, он застыл, прислонившись к стене, в отчаянной попытке вспомнить всех своих знакомых и знакомых знакомых пятидесятилетних блондинок.

Стоит отметить, что у Дмитрия Сергеевича имелось немало знакомых женщин, но все же предпочтения его были на стороне ровесниц. На ум пришла лишь мамина подруга Людмила Марковна, но та уже как минимум лет пятнадцать отмечала свой пятидесятилетний юбилей, так что и ее кандидатуру Лобов с облегчением отверг.

¹ В книге использованы фрагменты текстов берестяных грамот в переводе и интерпретации по материалам сайта ГРАМОТА.РУ, указано также место их обнаружения и датировка.

– Нет, увы. Что-то никого не могу вспомнить, – нарушил он молчание. – И вообще это довольно трудно, вот так судить с чьих-то слов. Хорошо бы иметь фото. К тому же, вы сами понимаете, визитка – вещь настолько расхожая, мало обязывающая... Допустим, недавно я был на конференции и, разумеется, раздавал там кому-то свои карточки. Но ведь совсем не факт, что этих людей я смогу вспомнить. А у вас в руках, судя по тому, что вы звоните на этот номер, моя очень старая визитка.

– Старая, говорите? Как жаль. Что ж, ладненько тогда... – проговорил полицейский. – Хотя, знаете, у этой женщины была особая, очень редкая примета. Медики сказали, что это называется гетерохромия.

– Гетерохромия? – переспросил Лобов.

– Разные глаза, в смысле, разный цвет глаз.

– Оу! – вырвалось у Дмитрия Сергеевича, хотя относилось это «оу» не к глазам, а к часам, посмотрев на которые, он понял, что катастрофически опаздывает. – Но даже после этого я вынужден сказать, что ничем не смогу помочь. Увы. Если что-то вспомню, то обязательно вам перезвоню.

На ходу записав номер капитана, Лобов схватил сумку и стремительно выбежал из дома.

Накануне отъезда у него, как обычно, накопилась целая куча дел. Настоящий цейтнот. Кроме того, предстоял еще визит в Абрамцево. Ехать туда Лобову не хотелось, но если не поехать, то будет еще хуже...

* * *

Отношения Дмитрия и Елены Лобовых, как водится у бывших супругов, нельзя было назвать идеальными. Даже в лучшие их годы сдержанная и домовитая Елена с трудом мирилась с открытым, общительным и весьма популярным у прекрасного пола мужем. Счастье, в представлении Елены, для двоих могло быть только в уютном, но уединенном доме. Друзей, коллег, студентов, а тем более студенток она воспринимала как угрозу, прием гостей – как тяжелый и бессмысленный труд. Она не хотела делить мужа ни с кем. Удивительно, но и после развода Елена продолжала отчаянно ревновать Лобова. Правда, теперь не к женщинам (к слову сказать, их у донжуанистого Дмитрия Сергеевича в самом деле было немало), а к работе. Но, несмотря ни на что, им обоим все-таки удавалось сохранять некоторую видимость «приятельства». Ради Альки, конечно, ради дочери.

Алевтина (для домашних Аля или Тина) была ребенком, рожденным в любви и любящим. Непростая, с характером, капризами, она искренне и в равной мере любила обоих родителей и не желала считаться ни с какими там разводами.

Елену как мать это задевало:

– Отец тебя видит раз в год по обещанию! – говорила она дочери, но та не слушала и все равно рвалась к любимому папочке.

Сердцу не прикажешь, детская любовь не мотивирована, иррациональна.

Но, по сути, Елена была права – Лобов действительно виделся с дочерью редко, только когда бывал, то есть жил, в Москве. За год набегало месяцев пять, от силы шесть; все же оставшееся время Дмитрий Сергеевич проводил в Великом Новгороде. «Рылся в земле», как говорила Елена. Лобов на ее формулировки не обижался, он был археологом и работу свою любил фанатично.

В первый раз он приехал туда еще в институте. Копали в тот год на Н-ском городище. Полевой сезон оказался невероятно удачным, находок было много, да еще каких! Все участники раскопа от мала до велика ликовали. Именно тогда студент Митя Лобов как-то сразу безоговорочно «вошел в тематику» и всю последующую жизнь сохранял верность Господину Великому Новгороду.

Хотя, казалось бы, что в Новгороде такого особенного? Обычный русский город с не очень-то счастливой судьбой. Есть река, есть кремль (здесь его называют Детинец), есть чудом сохранившиеся Софийский собор и несколько десятков церквушек. Но самобытная застройка купеческого города почти не сохранилась – во время войны многие кварталы были полностью стерты с лица Земли. Вот в ней, в земле-то все и дело! Ибо с археологической точки зрения новгородская земля уникальна! Это своего рода природный консервант, где прекрасно сохраняется вся органика – дерево, кость, кожа, ткани и, конечно же, береста. Подумать только, хрупкая берестяная грамота, пролежав в новгородской земле тысячу лет, доходит до нас в своем первозданном виде. Не случайно, что именно земля города стала объектом охраны ЮНЕСКО.

Да, обо всем этом Дмитрий Сергеевич Лобов мог бы рассказывать сколько угодно.

– Понимаешь, Ленка, уже в самом названии «Новгород» заключается некая загадка. Если это новый город, то где-то должен быть старый...

– Значит, опять уезжаешь? – угрюмо спрашивала его Елена. Она не разделяла любви мужа к археологии, а жила заботами о доме, о семье, о дочери. Елена устала от вечного безденежья, от командировок Дмитрия, и всеобщая грамотность средневекового Новгорода ее заботила меньше, чем грамотность Алевтины, ее предстоящее поступление в школу и покупка нового пальто. А еще завтраки, обеды, ужины, которые надо из чего-то приготовить, в то время как в холодильнике пусто.

После нескольких лет отчаянной экономии Елена наконец поняла, что на мужа надежды мало, и пошла работать. Весьма скоро молодого экономиста с научной степенью по достоинству оценили в одной процветающей строительной компании. Кормильцем семьи стала жена. Отношения супругов дали трещину. И стоило Лобову лишь заикнуться об очередном полевом сезоне, как в доме начинались скандалы. Собственно, они не прекратились даже после развода, последний, к примеру, разразился шесть месяцев назад.

* * *

Это было в октябре прошлого года, когда Лобов осуществлял археологическое наблюдение за инженерными работами на улице Рабочей² – там прокладывали коммуникации к будущему дому, – и нашел грамоту. Грамота, содержащая всего несколько начальных букв письма, была разорвана и по большому счету «малоперспективна». Дело совершенно обычное. Древним новгородцам, как и нам, живущим тысячу лет спустя, вовсе не хотелось, чтобы кто-то посторонний читал их личную переписку. В XXI веке для этого придумывают разные коды доступа, пароли, уничтожители бумаг. Ну а тогда люди просто рвали полученные письма на мелкие кусочки.

С такими «кусочками» новгородским археологам приходится сталкиваться часто. И как бы ни был мал найденный клочок бересты, его все равно необходимо пронумеровать (на сегодняшний день общее количество найденных грамот уже перевалило за тысячу) и снять прорись, то есть копию. Привычная, в общем-то, работа. Непривычным же стало то, что на следующее утро Лобов нашел вторую половину этой грамоты, обширнейший текст превосходной сохранности, который Дмитрий Сергеевич читал с замиранием сердца. Разумеется, грамота требовала более детального изучения. Этим занимались специалисты по древнерусскому языку, точнее, по древненовгородскому диалекту.

Несколько минут Лобов пребывал в состоянии восторженного ликования, ничего вокруг не видя и не слыша. Как вдруг ощутил на своем плече легкое прикосновение, а рядом с ним будто из-под земли вырос какой-то чернявый парень.

² Вымышленное название.

– Что, что вы хотели? – спросил Лобов, осторожно укладывая грамоту в банку с водой³, и стал искать в карманах мобильный – ему не терпелось сообщить о своей находке на Базу⁴.

– Дмитрий Сергеевич, может, не будем торопиться? – сказал чернявый с кривой улыбкой.

– Простите? – не понял Лобов, а парень взял его под локоток и, отведя в сторону, настоятельно посоветовал пока не докладывать начальству о находке.

– Что значит «пока не докладывать»?! Вы, собственно, кто такой?! – после паузы произнес Дмитрий Сергеевич, на какое-то время даже потерявший дар речи.

– Всего-то дней двадцать надо подождать, – без тени смущения продолжил незнакомец, – но за каждый из них вы будете получать по сто долларов. Итого получается две тысячи.

Чернявый кашлянул и уставился на Лобова, который растерянно оглядывался по сторонам, – по странному стечению обстоятельств из всей группы «надзирающих» в раскопе остался один он. В тот же момент в его кармане прощально пискнул мобильный – разрядилась батарейка.

Впрочем, нечто подобное, пусть и не в такой категорической форме, уже случалось с сотрудником Новгородской экспедиции Дмитрием Сергеевичем Лобовым. Все из-за того самого закона, запрещающего проводить любое строительство в охранной зоне города без согласования с археологами. А это, извините, пробивка шурфов, изучение почвенного среза и другие дорогостоящие и долговременные мероприятия. Иной раз бывает, что не успели копнуть, а под землей целая улица открылась! На то он и Новгород. Но даже здесь в последние годы ловкие застройщики научились обходить суровый закон.

Однако в этот раз циничное поведение чернявого перешло все мыслимые границы. Подумать только, прямо на раскопе взятку предлагать!

Лобов уже набрал в легкие побольше воздуха и приготовился дать наглецу решительную отповедь, как вдруг парень протянул ему свой телефон.

– Что? Зачем? – опешил Дмитрий Сергеевич.

– Это вас, – пояснил наглец.

На том конце провода Лобов услышал отчаянный голос бывшей жены...

³ После извлечения берестяной грамоты из раскопа ее необходимо поместить в горячую воду, чтобы хрупкий материал не рассохся.

⁴ База – так между собой называют единый археологический центр Великого Новгорода. Официальное название – Новгородская экспедиция.

2. Дурни

Конец девяностых годов

То, что оба были новичками, Андрей понял сразу. Даже бинокль доставать не стал. Пендосовские армейские куртки, разгрузки с рюкзаками, берцы... все нулевое. Точно из военторга сюда притопали. Кхе. Идут, глотку дерут. Козлы! Один коренастый, сутулый, с большими руками, другой долговязый и румяный, как девка. Обоим лет по двадцать, не больше. Смотри-ка, а тоже туда же.

Первый ручищами машет и еле телепает по склизким камням. Да, это тебе не пионерский турпоход... В горах все по-другому, и только такие дурни, как эти, не знают, что горы тишину любят, и то, что идти по кромке леса намного проще, чем по речным валунам...

Опа-на! А Румяный-то, похоже, хромает! Сработал, значит, его капканчик, который он, Андрей, на вход настроил. Кхе-кхе... На прошлой неделе в него барсучиха угодила. Но человек – не зверь. Барсучиху Андрею было жалко. А этих дурней – нет. Их еще покрепче шугануть надо, чтоб неповадно стало здесь шастать. Чтоб ни одна тварь больше на Черный Брод не сунулась.

Это его река, и его лес, и его капкан, который Румяного склеил.

Андрей помедлил, выбирая мишень.

Над лесом оглушительно грянул выстрел и разнесся эхом по Черному Броду. Потом второй.

Из орешника прыснула в небо перепуганная сойка.

Дурни, понятное дело, тоже очканули. У Сутулого с плеча сорвался рюкзак – в рюкзак Андрей и целился. Парень пригнулся и буквально впрыскал почесал к поваленному дереву. Румяный просто мешком осел на камни и заблажил, прикрыв голову руками.

Первым опомнился Сутулый.

– Хорош палить! Мы уже уходим!!! – что было сил закричал он, обводя взглядом крутые лесистые берега реки, но так и не сообразил, откуда стреляли.

Рывком он подбежал к своему спутнику и что-то быстро затараторил. Шум реки заглушал его голос. Румяный поспешно вскочил.

– Мы уходим!!! Не стреляй! – тонко, по-бабы закричал он и для верности поднял кверху руки.

Не прошло и пяти минут, как дурни, подхватив рюкзаки, перебрались на другой берег речки и в темпе вальса зашагали в сторону дороги.

– Пустые, как есть пустые. По-другому и быть не могло... – усмехнулся про себя Андрей, достал флягу, сделал большой глоток, а потом крестообразно окропил водкой тропу.

3. На даче в Абрамцеве

ОТ ГРИГОРИЯ К ДМИТРУ.

[...] а у нас дома все в порядке [...] Ты ко мне кое-что из вестей переправляй. [...] Если можешь, помогай мне чем-нибудь.

Фрагмент грамоты 286, Неревский раскоп, усадьба Е, XIV в.

После холодной, «заблудившейся где-то» весны в город наконец пришло тепло, и к майским праздникам, будто по заказу, включили яркое солнце и голубое небо. Сменив опостылевшие за зиму сапоги и куртки на кроссовки и шорты, москвичи с восторгом устремились за город.

Лобов тоже радовался теплу, но в отличие от остальных он мечтал не об отдыхе. Для него жаркая сухая погода служила сигналом к началу полевого сезона, поэтому Дмитрий Сергеевич с особым вниманием следил за метеосводками. Хотя новгородская весна совсем не та, что в столице. Она, как застенчивая барышня, то улыбнется, то вдруг спрячется. И какая может быть работа, если в раскопе воды по колено!

В прежние годы на новгородчине «старт» работ объявлялся в июне. Однако глобальное потепление нарушило привычный график. В прошлом году лобовская партия приступила к раскопкам на две недели раньше срока. Ну а в этом, если природные аномалии не подведут...

Лобов поднял глаза к ясному, без единого облачка небу, вознося мольбы о продолжительной засухе, как тут перед капотом его автомобиля неожиданно нарисовалась старая разлапистая сосна. Чудом справившись с управлением, Дмитрий Сергеевич перестал мечтать и задумался о неприятном.

Предстоящая встреча с Еленой его пугала, как и в прежние годы. Нрав у бывшей супруги был тяжелый, язвительность и вредность – в крови, а реакция – молниеносная. В семейных баталиях Елена не знала себе равных. Обычно Лобов капитулировал еще до начала сражения. Приметив эти его пораженческие настроения, жена избрала другую тактику. Словесные перепалки сменила череда глубоких затяжных обид, когда Елена, как монах-схимник, уходила в затвор, молчала, общаясь с бывшим мужем лишь через дочку. В такой молчанке Лобов провел всю зиму и начало весны, придавленный клеймом «убийственного эгоиста». Перед затвором Елена объявила ему, что, мол, он не оторвется от своей вонючей бересты, даже если ее и Альку будут резать на части. Хотя на самом деле та пресловутая история с подкупом и шантажом закончилась, практически не начавшись. Тогда Лобов даже не успел договорить с Еленой по телефону, как на раскоп явилась комиссия и наложила запрет на строительство. По иронии судьбы оказалось, что ведет его та самая компания-застройщик, в московском офисе которой работает Елена Лобова.

* * *

[...] Я посылала к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, [...] что ко мне ты в эту неделю не приходил.

Из грамоты 752, Неревский раскоп, XII в.

Калитка на участок была распахнута. До Дмитрия Сергеевича долетел звонкий голос дочери. Она стояла на ступеньках перед входом в дом, высокая, тоненькая, худые руки покрыл первый весенний загар, копна каштановых волос, забранная на макушке в хвост, напоминала ананас.

– Мама! Папа приехал! – закричала Алевтина и устремилась навстречу Лобову. – Папуль, это грандиозно! Представляешь, что я, то есть мы с мамой, только что нашли! Когда у калитки гортензию сажали. Копнули, а там – смотри... – И она с гордостью показала отцу находки: сломанные очки без стекол, обломок керамического блюда и железного солдатики без головы...

– Что скажете, профессор Лобов? – спросила дочь, отряхивая майку и бриджи от земли.

– Хм, могу сказать, что материал многообещающий. Нельзя также не отметить прекрасную сохранность находок... – с притворной серьезностью оценил Лобов, рассматривая безголового солдатики.

Тинка покатила со смеху.

– А каково ваше мнение? – в свою очередь спросил ее отец. – Не забывайте, что на основе найденного археолог должен построить научную гипотезу.

– Ну, если очки, то, значит, здесь жил человек, который плохо видел. Предположим, пожилой. А в солдатики играют только мальчики. Получается, что раньше на этом участке жила какая-то бабка и воспитывала внука... Хотя очки, похоже, не женские...

На крыльце с ящиком рассады в руках появилась Елена, губы ее растянулись в не очень убедительной улыбке.

– Здравствуй, Дмитрий.

– Добрый день, Лен.

– Кстати, папуль, ты ведь еще ничего не знаешь! Я тут думала, думала, короче, много думала и решила тоже поступать на археологический! – с воодушевлением сообщила дочь.

– Чтобы потом, как папуля, сидеть без гроша, – поддержала разговор Елена.

– Ну и что, что без гроша! – В голосе дочери звучал вызов. – А может, совсем даже наоборот! И меня, как профессора Лобова, будут показывать по телевизору! Пап, слушай, я вот еще чего подумала. Что скажешь, если в этот сезон я поеду в Торново вместе с тобой! Ты ведь не против?! Сам же говорил, что выбор профессии дело ответственное, надо взвесить все «за» и «против». Ну, говорил же? – На лице дочери сразу появилось умильно-жалобное выражение.

«Зачем ей археология?! Ей бы во ВГИК, на актерский!» – Лобов неуверенно кивнул и тотчас поглядел на Елену, которая с каменным видом стояла рядом.

– Вот я и хочу реально, на месте, прикинуть: «мое» это или «не мое»... Типа на собственной шкуре узнать... – продолжила Аля.

– ...что такое энцефалитный клещ, ядовитые змеи и гнус, – закончила ее мысль Елена. – Надеюсь, Лобов, у тебя хватит ума отговорить свою дочь от этого безумия.

– Постой, Алечка, а как же школа? – повиновался Лобов.

Елена закатила глаза.

– Пап, алё! Она заканчивается двадцать восьмого мая! – парировала Алевтина.

– ...то есть я имею в виду, задание на лето, практика?

– Дмитрий, ты лучше расскажи ей, что значит ночевать в душной палатке, не имея возможности принять ванну, не разгибаясь, под палящим солнцем сидеть в грязной земляной яме! – деревянным голосом чеканила Елена.

Аля заткнула уши.

– Нет! Все! Закрыли тему, я уже это пятьсот раз слышала, лучше пойду переоденусь.

Лобов переминался с ноги на ногу.

– Лен, если ты думаешь, что я в восторге от этой ее идеи, то ты заблуждаешься... – начал было он. Внезапно в голову ему пришла здравая мысль, и он заговорил увереннее: – Ты, конечно, права, условия в лагере непростые, работа тяжелая. Вот и представь, как наша нежная Алевтина туда приедет, поработает, хлебнет лиха, а потом возьмет да и плюнет на всю археологию раз и навсегда!

Вместо ответа Елена снова испустила протяжный вздох, но, похоже, задумалась – в словах бывшего супруга, как это ни парадоксально, было нечто здоровое.

Переодевшись в какие-то развевающиеся лоскутки, на веранду вернулась Алевтина, – к середине дня стало совсем уже по-летнему жарко.

– Все ругаетесь? Ну, не буду вам мешать, – на ходу бросила она и сбежала в сад.

Дмитрий Сергеевич поспешил перевести разговор на самую безопасную тему, спросив Елену о предстоящих посадках. И та, сменив гнев на милость, повела его на участок показывать «сухой ручей» – предмет ее особой гордости.

«Кто бы мог подумать, что Ленка станет такой... И откуда у нее взялась эта страсть к саду», – мелькнуло в голове у Лобова, с притворным интересом разглядывающего чахлые, едва проклюнувшиеся ростки среди уложенных рядами камней. Рассказ жены о камнеломках, живучках и еще каких-то ложных очитках его совсем не увлек.

– О! Седум триколор – прекрасный выбор для рокария. Он, кстати сказать, не требует ухода, а цветет почти все лето... – Из-за редкого штaketника показался полноватый господин в выцветшей милицейской рубашке и с лопатой в руках.

– Здравствуйте, Валерий Петрович. Я смотрю, вы с самого утра на полевых работах, – с улыбкой произнесла Елена и представила Дмитрию соседа со смешной фамилией Торопко, несколько не вязавшейся с его вальяжной внешностью.

Поговорив о прополке, поливе и удобрениях, Валерий Петрович сменил тему и обратился к Лобову:

– А вас, Дмитрий Сергеевич, мы с женой видели по телевизору. Я Леночке говорил. Тема эта, знаете, меня так увлекла, что я даже в Интернет потом залез. Никогда бы не подумал, что работа археолога похожа на нашу, оперативно-следственную.

– Валерий Петрович – подполковник МВД, расследовал громкие дела, – объяснила Елена.

– Это все в прошлом, я уже второй год как в отставке, – не без грусти сказал Торопко. – Знаете, Дмитрий Сергеевич, что меня больше всего поразило в вашем выступлении? Это когда вы про старинные ножи объясняли, не помню точно, один, кажется, десятого века, а другой одиннадцатого. И вроде бы ножи как ножи, только один самозаточной, более качественный, а другой попроще. Однако вы из этих, так сказать, вещественных доказательств столько информации выжали, что просто диву даешься. И про товарно-денежные отношения, и про свободный рынок, и оптимизацию производства...

– Да-да, вы правы! – воодушевился Лобов. – Археология близка к криминалистике, методы схожи. Имея в наличии два вещественных доказательства, хотя, по правде, их было много больше, мы позволили себе предположить следующее: чтобы сделать один самозатачивающийся нож, ремесленник тратил столько же времени, сколько ему требовалось для изготовления трех простых. Спрос, как известно, рождает предложение. И ремесленник оптимизирует производство под новые рыночные отношения. Даже в ущерб качеству товара. Таковы законы рынка, который возник в Новгороде как раз на рубеже одиннадцатого – двенадцатого веков.

Торопко уважительно закачал головой и хотел еще о чем-то спросить Лобова.

Но тут из дома донесся нетерпеливый голос Алевтины:

– Ну чего вы не идете! Чай-то остынет!

Разговор с любознательным соседом пришлось прервать.

– Какой приятный человек этот ваш Торопко! – усаживаясь за накрытый стол, сказал Лобов.

– Да, четкий дядя, – согласилась Алевтина, она разливала по чашкам чай. – Он такие истории рассказывает о своей прошлой работе, прям настоящие ужасики!

– О! Представляете, а со мной тоже сегодня одна история вышла! – Вспомнив о гэтающем капитане, Лобов стал рассказывать про женщину с разными глазами и про свою визитную карточку, найденную за подкладкой ее сумочки.

– Ничего себе! – оживилась Аля. – И как ее убили?

– Почему сразу убили? – возразил Дмитрий Сергеевич. – Полицейский сказал, что труп не криминальный, вроде бы какое-то бытовое отравление.

– Ну, тогда неинтересно! А про разные глаза нам рассказывала биологичка! – продолжила дочь. – У этих людей в организме с меланином напряженка... Короче, такое отклонение встречается очень редко, только у одного процента населения.

– То, что на трупе женщины оказалась именно твоя визитная карточка, меня лично несколько не удивляет, – нахмурилась Елена.

– Почему? – удивился Лобов.

– Потому что нечего раздавать их всем без разбору! – отрезала она.

Бывшая супруга по привычке болезненно реагировала на любое упоминание о женщине в рассказах Дмитрия Сергеевича.

– Ма, ну чего ты опять! – Аля подошла к матери и обняла ее за плечи. – Праздники, погода отличная...

И Лена не стала развивать тему, замолчала.

Тем временем Аля забрасывала отца вопросами о предстоящей экспедиции.

Работает ли там Интернет? Брать ли с собой купальник? Будет ли в лагере молодежь или одни «старперы»? Какую работу поручат ей?

– Кстати, по поводу разного цвета глаз... – внезапно перебила их Елена, в голосе ее зазвучали хитрые нотки. – С одной такой дамой я лично была знакома. – Она, прищурившись, посмотрела на бывшего мужа: – И ты, Лобов, тоже. Монументальная такая, роскошная, вся в золоте, с бездонным декольте. Помнишь, мы вместе сидели в ресторане «Галеон»? Неужели забыл? – Взгляд бывшей жены потеплел. – Господи, как же это давно было, просто в другой жизни. Это когда мы в Лозовом отдыхали. А ту разноглазую тетку звали – Алина!

Легкий ветерок качнул кружевную занавеску на окне, из которого пахнуло весной, теплом и молодостью. А перед мысленным взором Дмитрия Сергеевича мгновенно нарисовался морской пейзаж. Волны, камни, ветер, солнце – и счастье...

4. Мало ли в горах людей пропадает...

*ПОКЛОН ОТ ПАРФЕНИЯ К ИГУМЕНУ.
Как я порядился, так и живу. [...]
А Василько село разоряет...
Позаботься, господин, обо всем этом.
Из грамоты 359, Неревский раскоп, XV в.*

Конец девяностых годов

В этом лесу Андрей чувствовал себя как дома и мог ходить по нему хоть с завязанными глазами. Он знал здесь каждое дерево, каждый камень, каждый поворот тропинки... Внизу у реки лес шел пологий, обзорный, почти без кустарника и все больше лиственный – орешник, дуб, красный клен, осина. Но стоило чуток подняться, как сразу начинался подлесок – плющ, дикая ежевика, шиповник, и подъем чувствовался, правда, пока легкий. А вот от старой поваленной сосны с вывороченными наружу корнями тропа уже круто забирала вверх и шагов через пятнадцать, сразу за большим мшистым валуном, резко обрывалась. Чуть зазевался и... картина Репина «Приплыли!».

Яма! Кхе.

Она хоть и не глубокая, но края у нее скользкие, уцепиться не за что. А на дне десятка два острых камней.

Эту яму, как и хлипкий мосток через промоину и капкан в начале тропы, Андрей устроил специально для незваных гостей. Те двое дурней – не в счет. Из-за них он бы даже заморачиваться не стал. Одно слово – салаги! Ни хрена не умеют, не знают...

Но ведь приходят и другие, у которых и опыта, и наглости поболее. Таких на пиф-паф не возьмешь. Они сперва свалят, чтобы прикинуться, будто ушли, а на другой день сызнова потихому припрутся.

То тут, то там замечаешь следы: свежее кострище, пустые бутылки, куча дерьма... С такими сложнее, но и на них укорот найти можно.

А вот третья категория следопытов, местная гопота, самая что ни на есть опасная. Их Андрей ненавидел люто, для них и сюрпризы свои готовил. Причем всякий раз что-то новенькое придумывал, не повторялся. Ведь если по чеснаку, то они-то, как никто, должны знать, куда можно соваться, а куда – ни-ни... Года три назад было дело, один чудик на него с лопатой попер, кряжистый такой, здоровый, Андрей его не раз на толкучке встречал и на пляже. А тогда в лесу вышел он из-за дерева, от злости аж трясется, глазами сверкает, а в глазах-то – страх. И еще жадность какая-то скотская, ненасытная...

Таких людей Андрей презирал, потому что сам приходил сюда вовсе не из корысти. Он просто любил этот лес, эти горы, эту землю...

– Все, что в ней есть, принадлежит нам по праву рождения! – говорил ему дед. – Наше с тобой дело ее от чужаков охранять.

Андрей любил деда. Правда, сейчас старик чуток сдал, а раньше мог цельными днями горы утюжить, километры по лесу чесать без всякой одышки. Это дед Андрея к лесу приучил. Еще пацаном с собой его брал, по ходу учил всему, что сам знал. Как в горах не замерзнуть, как по звездам дорогу найти, как брод на реке отыскать в паводок. Всю науку дед по жизни освоил на своем личном опыте, въедался в самую соль, а книжки не признавал, не доверял им.

– Вранье все, писанина их эта! Про что пишут, сами ни бельмеса не понимают. Книжки, едренить... Им бы послушать, что люди про то говорят. Положим, в старину в местных

речках золото водилось. И как, спрашивается, тогда люди золотой песок-то мыли? На бараньих шкурах и мыли. Вот тебе и золотое руно! А этим простофилям все невдомек. Нету у них уважения к земле. Им только денег давай, да побольше.

Что же касалось чудика того, что с лопатой попер, то Андрей больше никогда про него не вспоминал. Чудик сам себя наказал, сам оступился. Был человек – и нет человека.

Его так и не нашли. Но слухи по району ходили долго. Бабы ведь как начнут языками чесать, не заткнешь, мол, от милиции толку чуть, кругом одни бандиты. Они всем заправляют, людей похищают, убивают, во всем, стало быть, и виноваты.

Андрею повезло, что жена ему под стать попалась, молчаливая и понятливая. Только раз спросила, он и ответил:

– Да мало ли сейчас людей пропадает, что в горах, что в городе, без разницы. Время такое.

5. Лозовое

ОТ МИКИТЫ К УЛИАНИЦЕ.

*Пойди за мене. Яз тьбе хоцю, а ты мене. А на то послух (свидетель
жениха)*

Игнат Моисиев.

Из грамоты № 377, XIII в.

Откуда-то из закоулков памяти выплыло загорелое, смеющееся Ленкино лицо. Она сидела в ореоле брызг на камне у моря. А там на большом просторе пенились волны и рвались на берег... Помнит ли он Лозовое? Конечно, да. А что им с Еленой еще помнить?

Они поехали в Лозовое в сентябре 97-го года, через четыре месяца после свадьбы – раньше никак не получалось. Молодожены-аспиранты. Медовый месяц с отсрочкой. И денег, ясное дело, в обрез. Идею подбросил, кажется, Костя Тарасов или Шепчук... а Лобов сразу за нее ухватился. Ребята работали тогда в Краснодарском крае, в районе большого Сочи, на Красном кургане⁵. Сидели они там плотно с весны, освоились, обзавелись знакомствами, вот и договорились с жильем. Маленькую живописную хибарку на скале молодоженам сдали почти даром. Обстановка скромная: стол, стулья и железная кровать, которую они с Ленкой регулярно испытывали на прочность. Удобств, понятно, никаких, но зато садик с виноградом, рыболовные сети и старая лодка «Пират» на ржавой цепи. Потом на этом «Пирате» они едва не утонули по неопытности. Лодка-то с течью была... Впрочем, тогда они с Ленкой даже не испугались. В молодости все воспринимается просто, легко. Легко таскать по жаре трехлитровые банки с вином, легко мотаться к друзьям на раскоп, пять км туда, пять обратно, легко нырять со скалы вниз головой, доставать со дна ракушки, плавать наперегонки... Ленка всегда отлично плавала, лучше, чем он. Но теперь себе такое даже представить страшно, чтобы главный бухгалтер строительной компании ночью голышом купался...

Вода пенится, искрится. Все гибкое Ленкино тело покрыто маленькими светящимися пузырьками, она и сама светится, лучится, точно русалка.

– Смотри, Ленка! Лунная дорожка! – срывающимся голосом кричит ей Лобов, и в горле у него от счастья что-то щекочет, он прижимает ее к себе, не хочет отпускать...

«Митя и Лена – попугайчики-неразлучники» – прозвал их Костя Тарасов. Он частенько навещал их после работы, один или вместе с другими ребятами, с Леной Шепчуком, с Женькой Ярис.

Услышав звук мотора старой экспедиционной «Нивы», Лена с Митей спешно натягивали на себя одежду, о которой в любовной неге напрочь забывали. Костя привозил арбузы, сыр, свежую рыбу, вино, а для дам – шампанское. И они закатывали настоящие пиры. Тарасов любил шиковать. Хотя с деньгами у него, впрочем, как и у всех, тогда было туго.

В 90-е археология переживала не лучшие времена. Работали практически даром, на чистом энтузиазме. Некоторые из коллег навсегда ушли из профессии, другие же метались в поисках более хлебных направлений. Больше всех суетился Шепчук, который уже не раз менял «тематику». Начав, как и Лобов, с Новгородчины, он вдруг двинул в калмыцкие степи в погоне за каким-то валютным грантом. Когда же по институту разнесся слух о спонсорах из Краснодар, он тотчас прикатил к Тарасову под крыло. Даже шутка тогда родилась, что, мол, археологи, если судить по их доходам, подразделяются на две категории: сытые, благоденствующие «Дети капитана Гранта» и «Сыновья лейтенанта Шмидта», вечно стоящие с протянутой рукой у министерского порога.

⁵ Вымышленное название.

Лобов с Тарасовым, относившиеся ко второй категории, не одобряли шепчуковских метаний. Тот же яростно с ними спорил, апеллировал к общественному мнению, то есть к Ленке.

– Это ты, Лобов, сейчас так говоришь! Но помяни мое слово, когда у вас с Еленой Прекрасной родится ребенок, ты мгновенно забудешь о своих драгоценных принципах. Они хороши для фанатиков, аскетов, холостяков. А у тебя, дружок, теперь семья. Сохранять верность можно кому-то одному, либо семье, либо Господину Великому Новгороду!

Костя Шепчуку возражал, а Лобов смотрел на Ленку, которая от этих разговоров делалась тихой и скучной.

Потом все вместе поднимали бокалы и провозглашали тосты не за нынешний раскоп, понятное дело, потому как примета плохая, а за Рюриково городище, за Боспорское царство, за царя Митридата VI Евпатора, все глубже и глубже зарываясь в культурные слои...

Однажды, уже под конец их медового отпуска, к ним приехал Костя Тарасов. Он был без вина, сосредоточен и деловит.

– Слушай, Димка, нам сегодня из города позвонили... – начал он, с опаской поглядывая на Лену. – Словом, просили срочно выделить сотрудника, хорошего специалиста. В Сочи. Как я понял, там проводится какая-то экспертиза по нашей части, нужно авторитетное мнение. А у нас, ты же знаешь, с народом беда, некого послать. Сам я с бумагами закопался, скоро сам и за лопату возьмусь... Вот я и подумал, что вам вроде до самолета всего дня два осталось... Ленк, там, кстати, обещали с гостиницей похлопотать, – прибавил серьезный аргумент Тарасов и умоляюще посмотрел на Лобова, тот на Елену, а она, рассудив, что в Сочи еще не была, сразу взяла и согласилась.

Словом, через час Митя с Еленой уже сидели в экспедиционном автомобиле, слушая неиссякаемый поток армянских анекдотов водителя Рубена. Через три часа, бросив вещи в какой-то гостинице, они встретились с молчаливым «человеком из органов» (!) Иваном Ивановичем и той самой разноглазой Алиной. А еще через полчаса Ленка отправилась гулять по набережной, а Лобов впервые в жизни едва не потерял сознание. По правде сказать, было от чего...

* * *

ОТ БОРИСА К НАСТАСЬЕ.

Как придет эта грамота, пришли мне человека на жеребце. [...] А у меня тут дел много.

Из грамоты 43, Неревский раскоп, XIV в.

Алина Дмитриевна (или Дмитриева – за давностью лет теперь и не вспомнишь) в самом деле была дамой роскошной. Высокая, статная, белые кудри рассыпаны по скульптурным плечам, глаза ярко подведены... Их разный цвет придавал ей какую-то особую пикантность. В первые минуты Лобову казалось, будто она ему подмигивает.

Теперь он ее отчетливо вспомнил. Вспомнил даже то, что под взглядом-рентгеном «человека из органов» Алина заметно нервничала, и по ее гладкой коже в бездонное декольте устремлялись струйки пота.

Говорила она быстро, с малоросскими интонациями, часто повторялась, будто оправдывалась:

– Понимаете, я сразу позвонила, хотя все было как обычно. Постоянный клиент принес на комиссию вещь. Вот и запись в книге прихода, у нас с этим строго. Но вещь сотрудница принимала без меня. И как только я пришла и увидела, то сразу ей сказала, сразу поняла и позвонила... – Грудь женщины высоко вздымалась.

Впрочем, Дмитрий Сергеевич впал в состояние столбняка не от вида глубокого декольте директрисы антикварного магазина. Он вообще про него забыл, стоило ей извлечь из сейфа нечто абсолютно фантастическое.

– Уверяю, не каждому из нас доведется такое увидеть! Тем более подержать в руках! – рассказывал он потом коллегам, все еще находясь под впечатлением.

И дело было даже не в золоте, хотя и в нем, конечно, тоже. Потому что диадема, а именно этот предмет лежал тогда перед Лобовым на столе, была выполнена из чистейшего золота. Но все же было нечто другое, что так заворожило молодого археолога.

– Понимаешь, это трудно объяснить... – В тот же вечер он позвонил Косте Тарасову, который в ответ только охал и ахал. – Тут будто бы сама история ожила, будто древние эллины в дверь постучались... Ты не смейся! На мгновение мне даже почудилось, что я вижу эту прекрасную гречанку...

Само собой, для Ивана Ивановича, «человека из органов», и его коллег у археолога Лобова нашлись более вменяемые слова.

В экспертном заключении он указал все основные параметры предмета:

«Изделие: головное украшение в виде незамкнутого кольца, диадема или венец. (Украшение предпол. женское.) В центральной части предмета имеются три камня зеленого цвета, без огранки. (Предпол. изумруды.) Внешняя стенка изделия украшена геометризованным орнаментом. Орнамент выполнен в стилистике позднего эллинистического искусства. (Предпол. время изготовления: II–III вв. до н. э.) Сохранность хорошая. – Далее он, тщательно измерив и взвесив диадему, записал ее высоту, диаметр и вес, потом, подумав, прибавил: – Требуется детальная экспертиза. Эрмитаж».

Про специалистов из Эрмитажа Лобов тогда еще не раз повторял.

– Да ей в музей место, а не в антикварной лавке! – расхрабравшись, заявил он.

После чего люди из органов многозначительно переглянулись, забрали документ и ушли. Остался лишь Иван Иванович. Он еще задал Лобову несколько вопросов, но, узнав, что на следующий день тот возвращается в Москву, помрачнел – надо было осмотреть и отписать бумаги еще на несколько предметов.

– Боже мой! Откуда только вы их берете? – поперхнувшись, глупо спросил Дмитрий. – Очень жаль, что не получится на них взглянуть.

Тут весьма своевременно поступило предложение вместе отобедать – Алина Дмитриева на правах хозяйки пригласила «своих гостей» в соседний ресторан.

Как раз за обедом к ним и присоединилась Елена. Разговор пошел живее. Лобов расхваливал Ивану Ивановичу своего друга Тарасова:

– Он отличный профессионал! Специализируется на древнегреческой культуре. Да он лучше меня справится! Не беспокойтесь.

Теперь тот самый обед в ресторане «Галеон» вспомнился Дмитрию Сергеевичу во всех деталях, что ели, что пили, где сидели, какая играла музыка. Именно тогда после плотной трапезы, винных возлияний и танца с разноглазой Алиной Дмитриевой под «Ace of base» он вручил ей эту злосчастную визитную карточку, на которой за неимением мобильного был указан номер телефона московской квартиры.

«Воистину удивительна человеческая память, которой, в сущности, мы совсем не умеем пользоваться. Шестнадцать лет прошло, а кажется, будто вчера это было...» – подумал Дмитрий Сергеевич и принялся рыться в дорожной сумке в поисках клочка бумаги с номером телефона капитана Неверова.

6. Хороший дачный сосед и детективный клуб

ЧЕЛОБИТЬЕ ПОСАДНИКУ НОВГОРОДСКОМУ ОНДРЕЮ
ИВАНОВИЧУ

*от твоего ключника и от твоих крестьян. [...] Надеемся, господин,
на Бога и на тебя, своего господина.*

Фрагмент грамоты 39, Неревский раскоп, XIV в.

«Достойная работа с неплохим окладом, отличный соцпакет, и от дома недалеко. Что еще нужно человеку, чтобы встретить старость!» – как заклинание повторял Валерий Петрович, пытаясь самого себя убедить, что сделал правильный выбор, выйдя в отставку. Иногда после долгих разговоров с женой ему это даже удавалось. Но только иногда. Потому что на новой работе бывший начальник оперативного отдела подполковник Торопко невыносимо страдал от скуки. Он скучал по бывшим коллегам, по своему тесному, заставленному дешевой мебелью кабинету, по утренним планеркам и крикливому полковнику Балуюеву. Жизнь без происшествий, без привычного «возбудить уголовное дело по факту...» ему казалась пресной и пустой. Организм требовал адреналина, а мозг сыскаря – новых запутанных головоломок, которые, как клубок, надо медленно, осторожно распутывать. В этом вся суть сысканого дела, от этого сразу кровь закипает!

Жена Светлана не раз говорила, что адреналин, как наркотик, вызывает в организме устойчивое привыкание и зависимость. Но вот только где ж им подзарядиться, если уже год сидишь на посту начальника отдела безопасности медклиники «Возрождение», а вокруг лес, сосны, тишина и покой – он тут всем пациентам прописан. Обстановка расслабляющая, никаких стрессов.

– А они все-таки нужны! – возражал жене Торопко. – Чересчур спокойная жизнь делает человека ленивым и тупым! Вот смотрю я на своих ребят-охранников, вроде молодые парни, а живут, как во сне, еле ноги передвигают, ничего им не надо. Нет, будь я лет на десять моложе, никогда бы не пошел работать в такое сонное царство...

– И помер бы от инфаркта на каком-нибудь очередном месте происшествия. Что, я не помню, как ты с работы возвращался и сердечное горстями глотал! – говорила ему Светлана.

В отличие от мужа, она была очень даже довольна его новой работой. Собственно, Светлана ее и нашла, так как сама трудилась в клинике «Возрождение». Терапевт в любом медучреждении нужен, тем более в психоневрологической больнице.

С супругой Валерий Петрович обычно не спорил, и теперь не стал, понимая, что она во многом права. Ведь надо честно признать, что сейчас у него появилось свободное время, можно и киношку по телику посмотреть, и книжки почитать, и на дачу съездить.

Небольшой домик с участком они с женой купили лет десять назад, но только на пенсии у Торопко появилась возможность им заняться. Он всегда мечтал о яблонево садике, о грядках с лучком, петрушкой, о цветнике с пионами, а еще чтоб была беседка, стол с самоваром, стаканы в подстаканниках и крепко заваренный индийский чай.

Валерий Петрович был большим любителем чая. У него даже целая коллекция имелась. Про чай он знал все, ну, или почти все, и любил устраивать дегустации для соседей. На его чайную веранду многие, как в клуб, приходили пообщаться...

Тем более у Торопко был редкий дар собеседника. В силу профессии он очень внимательно умел слушать, задавать вопросы, мягко, ненавязчиво, но результативно, а потом, если потребуется, мог что-то посоветовать. Чужие проблемы, конфликты с родственниками, скандалы с соседями, земельные тяжбы – какая-никакая, но пища для ума. Стоит отметить, что многим советы отставного подполковника МВД, неплохо разбиравшегося в законах, пришлось

очень кстати, помогли в сложных жизненных обстоятельствах. Число благодарных соседей росло, посетителей на чайной веранде прибавлялось. Наведывалась к Валерию Петровичу и ближайшая соседка по участку, Елена Лобова. Прошлой осенью с ней тоже приключилась неприятная история. Руководство компании, в которой она работала, пыталось через Лену оказать давление на ее бывшего мужа. Из-за несговорчивости археолога Лобова фирма не могла начать строительство нового объекта. Торопко не составило труда навести кое-какие справки и посоветовать Елене единственный, хоть и малоутешительный выход из положения: немедленно самой написать заявление об уходе.

– Все равно через месяц у вашей фирмы отзовут лицензию. Наверху уже все документы готовы.

Так оно и вышло. Случай пусть и не рядовой, но малоинтересный. Уравнение со всеми известными. Но вот последний рассказ Елены о визитной карточке мужа, случайно найденной в сумочке умершей женщины, прозвучал для Торопко как восхитительная музыка.

– Вот это я понимаю! Дело о старой визитной карточке! Просто-таки настоящий Конан Дойл! – мечтательно воскликнул бывший сыщик и смутился, на мгновение забыв о том, что речь идет о реальной смерти и реальном убийстве.

– Объясните все же, Валерий Петрович, – переспросила его Елена, – почему вы склоняетесь к тому, что эту Алину убили?

– Предполагаю. Из опыта, – с охотой принялся объяснять Торопко. – С некриминальным трупом полиция обычно долго не возится. Ну, проведут они опрос населения, объявят по местному телевидению приметы умершей и положат дело в стол. Рутинка! А тут сотрудник не поленился Дмитрию Сергеевичу в Москву позвонить. И очень упорно до него дозванивался. Вы же сами говорили, что по московскому номеру Лобова заставить практически невозможно. Похоже, что опер схватился за единственную ниточку.

– Вот это логика! – тотчас вмешалась Алевтина, которую страшно заинтересовала детективная составляющая беседы.

– Для настоящей логики у нас информации, увы, недостаточно. Нужен протокол осмотра тела, результаты вскрытия, контакты жертвы, распечатки с ее мобильного. Вот тогда мы бы поупражнялись в логике. Хотя вы сказали, что телефона при ней не нашли... – посетовал Торопко, но в глазах его загорелись хитрые искорки. – И все-таки при нашей фактологической скудости есть кое-что, что заставляет задуматься!

– То, что в сумочке не было никаких документов? – спросила Аля.

– Это тоже, конечно. Но я сейчас о другом. Сама должность потерпевшей лично меня наводит на размышления. Что такое – директор сочинского антикварного магазина в конце девяностых? Почти наверняка этот человек был связан с местными ОПГ.

– Что это – ОПГ?

– Организованная преступная группировка, – пояснил Торопко. – Ты, Алевтина, в силу молодости этого не знаешь, а вот мама твоя наверняка помнит, что тогда в стране творилось.

– Подумаешь, секрет полишинеля. Ясно, что в стране царил разгул криминала, – быстро встала девушка.

– Вот именно, тем более в Сочи, – улыбнулся Валерий Петрович. – Всесоюзный курорт для братков-уголовников. Кстати, Лена, а как тот антикварный назывался?

– Помню только, что он располагался где-то в центре города в старом здании, и сам магазин был старый, еще советских времен, а рядом – ресторан, в котором мы обедали... – подумав, ответила соседка.

– Гм... не густо, – разочарованно вздохнул Торопко.

– Тоже мне проблема! Я этот магаз запросто в Инете пробую! – вскричала Алевтина. – И вообще, мам и Валерий Петрович, а давайте мы с вами организуем детективный клуб! Дачный детективный клуб! – с воодушевлением предложила она и посмотрела на Торопко. – Вы будете

главным, а мы с мамой – на подхвате. Я, к примеру, могу в соцсетях эту Дмитриеву просколить. И вообще, без Интернета работать сейчас ни разу не круто!

– Аля, не говори ерунды, – осадила ее мать, – будто бы Валерию Петровичу больше нечем заняться.

– А ведь в самом деле нечем, – с грустной усмешкой ответил Торопко, вспомнив о своем бесконечно длинном отпуске, который начинался аккурат после майских праздников. Заняться участком посоветовала ему Светлана, которая всегда была права. Желу Валерий Петрович очень любил и уважал, даже немного побаивался. Вот и теперь он боялся ей признаться, что все эти ящики с цветочной рассадой, грядки с чесноком и миксбордеры с астильбой ему до смерти надоели.

Проводив соседок, Торопко испустил несколько протяжных вздохов и отправился поливать свежесажелный газон. Он даже не подозревал, что спустя несколько дней «дело о старой визитной карточке» получит самое неожиданное продолжение...

7. Торновский⁶ раскоп. Гипотеза Дмитрия Сергеевича Лобова

ПОКЛОН ОТ МИХАЙЛЫ К ГОСПОДИНУ СВОЕМУ ТИМОФЕЮ.

Земля готова – нужны семена.

Грамота 17, Неревский раскоп, усадьба А, XV век.

Солнце припекало совсем не по-июньски. Легкий ветерок рябил гладь реки, шелестел зарослями молодого камыша, играл в кронах могучих сосен. Две из них, старые, почти высохшие, росшие на самом краю невысокого утеса и теснимые молодыми сосенками, казалось, были готовы сорваться вниз в реку. С противоположной стороны реки сосняк редел, а утес, больше напоминающий плато, аккуратными ровными террасами спускался к поляне, к заливному лугу. На этих террасах и были заложены четыре раскопа, четыре черных прямоугольника, размеченные колышками, а метрах в двухстах на поляне расположился лагерь археологов.

Утопая в ароматах хвои и полевых цветов, лагерь еще только просыпался. Он состоял из шести небольших жилых палаток, двух рабочих палаток побольше, стоящих вплотную друг к другу, – камеральной⁷ и командирской с триколором на флагштоке. Была еще полевая кухня и сколоченные из горбыля душ и туалет. При кухне имелся навес с лавками и длинным обеденным столом, а рядом волейбольная площадка, турник и гамак. Словом, быт археологи наладили добротнo, по-хозяйски – как-никак в Торнове они работали уже второй сезон. Хотя на самом деле торновским проектом Лобов занимался уже четвертый год, один из которых ушел на научное обоснование и, главное, на получение заветного *Открытого листа*, разрешения на производство археологических раскопок, и, соответственно, на поиски финансирования.

А началось все с берестяной грамоты № 1034⁸, найденной на Троицком раскопе и датированной XI–XII веками, которую Лобов лично принял из рук участковой раскопа. Текст ее гласил: «...челобитная господину Юрию Олисевичу, [...] мы по реке [...] ходить боимся у торновой крепостицы торновцы самовольно поборы чинят [...] с ладьи берут по десять кун. Помогай, господин, чем можешь, встань перед князем [...]».

Коллегам Лобова топоним Торново, с ярко выраженной скандинавской окраской⁹, встретился впервые – ни в одном из современных атласов населенный пункт с таким или похожим названием не значился. Однако Дмитрию Сергеевичу он был уже знаком. По счастливой случайности, работая накануне в Новгородском архиве, он наткнулся на дневник некоего господина Смирнова, отставного полковника от инфантерии, увлекшегося российской древностью. В 1867 году, следуя по историческому пути «из варяг в греки», господин Смирнов написал:

«Неподалеку от рыбацкой деревеньки Торново, что стоит на слиянии Волхова и Таводи¹⁰, на высоком лесистом берегу в двухстах саженях на запад от крайней избы я заметил остатки древней каменной кладки, немало пострадавшей от корней могучих дерев... то, без сомнения, следы древней фортеции, для коей лучшего места и вообразить нельзя».

Сверившись с последними атласами Новгородской области, Лобов без особого труда выяснил, что деревенька Торново после революции получила новое название – Красный Рыболов и находится примерно в двухстах километрах на север от Новгорода.

⁶ Вымышленный топоним.

⁷ Помещение для первичной обработки находок, главным образом, консервации.

⁸ В данном случае указан вымышленный номер и вымышленный текст берестяной грамоты.

⁹ Тор – в скандинавской мифологии бог из рода асов, второй по значению после Одина.

¹⁰ Вымышленное название реки.

Описание руин неизвестной «фортеции» вкупе с текстом берестяной грамоты Лобова, разумеется, заинтересовало. При первой возможности, хотя и без особых надежд, он туда отправился. Отыскать затерянный среди болот, лесов, удаленный от железных и автодорог Красный Рыболов оказалось непросто. Деревенька, состоявшая из дюжины дворов, относилась к разряду вымирающих. Во второй приезд Дмитрию Сергеевичу удалось обнаружить каменную кладку древнего сооружения, скрытую густой растительностью и едва выступавшую над землей. Именно тогда, после проведения разведки берега и лесистого утеса, в душе Лобова зародилось смутное предчувствие чего-то значительного, и он заболел идеей торновской экспедиции. Через неделю он снова приехал в Красный Рыболов, снял план крепости и собрал подъемный материал.

Ну а потом началось долгое, мучительное, подчас унижительное хождение по кабинетам. Понятно, что с дензнаками все расстанется неохотно, и чиновники, и частные благотворители. И еще неизвестно, чем бы все это закончилось, будь на месте Лобова кто-то другой, более обидчивый, менее напористый и энергичный. Тут стоит отметить, что Дмитрий Сергеевич обладал необыкновенным даром рассказчика, он умел восстанавливать далекое прошлое так, что оно становилось живым, осязаемым, полным красок, звуков, запахов, одним словом, он умел убеждать. Главное, чтоб аудитория подобралась соответствующая. И вот по воле случая на каком-то модном светском вечере Лобов познакомился с молодым бизнесменом, которому рассказ археолога очень даже пришелся по сердцу. Герман, так звали бизнесмена, оказался родом из Новгорода и сразу проникся идеей величия родного города.

– Вот вы такие интересные вещи говорите! Тогда почему всех нас в школе учили, что Киев – мать городов русских? – заинтересованно спросил Герман.

– Объясняется это просто. Киевоцентристская модель государства хорошо вписывалась в прежнюю идеологическую систему, была выгодна. А про Новгород и забыли. Впрочем, дело тут не в том, что Новгород по первому летописному упоминанию старше Киева, Рязани, Суздаля и многих других российских городов. Не в возрасте дело. Точнее, не только в нем. Важно то, что новгородские земли не подвергались разрушению во времена татаро-монгольских нашествий, в отличие от тех же Киева, Владимира, Суздаля. Здесь не прерывались традиции, продолжалась полноценная жизнь, о чем свидетельствует богатый культурный слой города. Больше пятидесяти лет эта земля нас снабжает новыми – а уже это само по себе уникально – средневековыми письменными источниками. Такого больше нигде нет! Нигде! – охотно отвечал Лобов. – Академик Янин как-то сказал, что новгородские раскопки по праву можно сравнить с раскопками Трои или пирамидами в Египте.

– Стало быть, звезда Киева погасла, – с довольным видом резюмировал бизнесмен.

– Скажем так, она несколько померкла, – поправил его Лобов.

Разговор с бизнесменом получился долгим, пьяным, эмоциональным, деньги на экспедицию он тогда дал.

И Торновская крепостица не подвела! Жизнь, прекратившаяся в ней более девяти столетий назад, снова закипела. И хотя культурный слой был небольшой, раскопки дали массу интереснейших находок, среди которых встречались и настоящие редкости. Подтвердилась и выдвинутая Лобовым гипотеза. Дмитрию Сергеевичу удалось доказать существование дополнительного оборонительного рубежа на северных подступах к Новгороду, помимо Старой Ладogi, который предвещал создание оборонительного кольца вокруг средневекового Новгорода столетия спустя. По его мнению, крепости и поселения-крепости зачастую могли совмещать дозорные и таможенные функции на пути следования торговых караванов.

И все же самое интересное древняя «крепостица» приберегла на потом, выдала, так сказать, под занавес, когда зарядили проливные дожди. Именно тогда на одном из трех раскопов, работы на котором из-за недостатка рабочей силы шли с опозданием, была обнаружена обширная материковая яма. Мечта каждого археолога! И в заключительный день сезона из

нее извлекли остатки поминальной стравы¹¹, что позволило Лобову предположить наличие в нижнем слое древнего погребения. Некоторые же предшествующие находки указывали на возможный скандинавский след.

Это был настоящий подарок для всех участников экспедиции, для Лобова и для предприимчивого Германа, умеющего из всего извлекать выгоду.

По возвращении экспедиции в Новгород бизнесмен пригласил целую армию журналистов, которые блестяще сделали свое дело. Герман как меценат получил налоговую амнистию, а Дмитрий Сергеевич, мгновенно превратившись в телезвезду, стал хлопотать о продолжении работ.

* * *

С самого утра у кухонного навеса нетерпеливо топтался Казимир – так в лагере прозвали деревенского козленка. Бывший на вольных кормах, он каждый день навещался к археологам, которых искренне полюбил, в особенности повариху Ниловну. Готовила Ниловна неважно, главный ее принцип был «чтоб посытнее», но козленку очень даже нравилась ее стряпня. Ну а где, спрашивается, взять хорошую повариху?! Лобов и такую-то нашел с трудом. Добродушная толстушка Ниловна была из местных, но гордых, согласилась не сразу. «Ну, разве что рядом и на работу далёко не мотаться...» – подумав, ответила она Лобову, который страшно обрадовался, что теперь от дела никого отрывать не придется. И вообще, чтобы укомплектовать экспедиционный штат, ему как начальнику пришлось побегать. Одно дело центр Новгорода, и совсем другое – раскопки на краю Земли. Школьников так далеко не отпускали, а студенты, в особенности москвичи, ненадежные кадры.

– В конце концов макароны с тушенкой испортить сложно, – миролюбиво говорил Лобов своему заму и давнишнему другу Севе Архипцеву.

– Сложно, но можно, – отвечал тот, скармливая очередную порцию повариной стряпни своей овчарке Дине.

Архипцев, в отличие от всеядного начальника, был большим любителем вкусно поесть, кроме того, он недавно женился, и женился не просто так, а на шеф-поварихе одного из лучших ресторанов Новгорода. Как следствие – философия гурмана и десять килограммов лишнего веса. В прошлом сезоне Сева лично контролировал работу кухни, впрочем, не без ущерба для дела.

Что же касается овчарки Дины, то она тоже не являлась в лагере новичком – год назад Сева уже брал ее с собой, якобы для охраны. Хотя какая там охрана! Ни о чем таком жизнерадостная, любвеобильная Дина даже не помышляла. А стоило ей увидеть козленка, как у нее тотчас проснулись самые нежные материнские чувства. Дина, видно, решила, что Казимир – собака, а тот не возражал. Так вместе, неразлучной парочкой, они и слонялись по лагерю от завтрака до обеда и от обеда до ужина.

Говорят, что животные на раскопе – хорошая примета.

– Дмитрий Сергеевич, Мить, ты бы это... поговорил со своей протеже, с Ниловной то бишь. А то перед Бьорном неудобно. Иностранец все-таки... Может, я сам бы чего приготовил? Ну, борщ там или солянку! – уже на второй день после приезда начал зудеть Архипцев.

– Тоже мне клуб любителей высокой кухни! Отдельное меню для иностранца! Он что, за борщом сюда приехал?! – строго отрезал Лобов, не одобрявший суету, поднявшуюся из-за приезда шведского археолога.

¹¹ Поминальная страва – у нехристианских народов существовала традиция оставлять в земле в местах захоронений остатки поминального застолья.

Надо сказать, что Дмитрий Сергеевич, получивший от своей бывшей ярлык «размазня», был таковым лишь в делах семейных. Во всем, что касалось работы, он проявлял завидную твердость, иногда даже суровость. Лобов знал, что экспедиция – это прежде всего дисциплина. Все приехавшие сюда люди разные, у каждого свой характер, свои привычки. В замкнутом пространстве полевого лагеря могут начаться конфликты, от которых пострадает дело. Чтобы этого избежать, каждый обязан подчиняться общим правилам. И никаких исключений, никаких там отдельных меню! Мечтаешь о паровой осетрине? ОК. Лови, готовь, но не в ущерб делу, ради которого все собрались.

Впрочем, сам шведский археолог Бьорн Свантесон (комично, что он был однофамильцем Малыша из сказки Астрид Линдгрен) ни о чем таком даже не помышлял. Он вообще производил впечатление человека абсолютно непритязательного. Сдержанный, немногословный, Бьорн являл собой образец типичного викинга: высокий, мускулистый, белозубый, с длинными рыжими волосами и рыжей бородой. О своем желании приехать в Торново Бьорн заявил еще осенью после шумихи, поднятой в прессе. Его, разумеется, привлекли находки с «варяжским следом». Свантесон представлял один частный европейский археологический клуб, за плечами у него был солидный опыт, внушительный послужной список – он побывал практически везде, где только был замечен «варяжский» след.

На его участие Лобов согласился не раздумывая и упрямо отстаивал его кандидатуру перед начальством. Там, наверху, вопреки очевидности, вопрос, как всегда, долго муссировался. Решающим же аргументом явилось то, что Бьорн предложил привезти в Торново новое оборудование для фосфатного анализа, о котором Лобов и его коллеги даже не мечтали. Еще зимой швед засел за «отчэн сложни» русский язык и на момент своего приезда на место уже освоил три десятка слов и выражений... Само собой, при живом общении дело пошло значительно быстрее. Известно, какие выражения можно освоить при разгрузке оборудования или установке палаток...

В коллективе швед держался скромно, не требуя к себе особого отношения, к любой порученной ему работе относился серьезно, вдумчиво, исполнял все аккуратно, качественно. Ничего не скажешь – Европа!

«Да, в этом сезоне коллектив полевиков¹² подобрался любо-дорого посмотреть!» – размышлял про себя Лобов, наблюдая, как слаженно и увлеченно работают Бьорн, Севка и, конечно, Тасенька. Ангел Тасенька, куда он без нее!

С Тасей Гронской Лобов познакомился пару лет назад. Она была его ровесницей, но приехала на Новгородчину недавно, а раньше где только не работала. «Мой путь в археологию тернист, – шутила Тася, – после школы я совершенно не понимала, чем заняться, поэтому на всякий случай закончила пединститут. В курганы меня потянуло потом, когда старше стала...»

Прежде Тася жила в Петербурге, но года полтора назад, устав от бесконечных переездов и съемных углов, она продала свою комнату в «элитной» коммуналке на Невском и купила небольшую квартиру в центре Новгорода, в двух шагах от работы.

– Столичная суeta, шум, пробки, туристы – все это не мое. Я ведь не коренная петербурженка, а провинциалка, люблю провинцию, а еще люблю свою работу, – рассказывала про себя Гронская.

Увлеченность археологией и сблизила их с Лобовым. Год назад они как-то незаметно для самих себя сошлись и с тех пор жили вместе. Теперь с легкой Тасиной руки у вечно скитавшегося, мотавшегося между Москвой и Новгородом Мити появился свой дом, в котором был и удобный письменный стол с зеленой лампой, и мягкое кресло, и бесчисленные книжные полки, и балкон с видом на Ярославово Дворище. В их союзе Дмитрий Сергеевич, без сомнения, играл «первую скрипку», а спокойная, уравновешенная Тася добровольно согласилась с

¹² Полевик – специалист, работающий в экспедиции, в полевых условиях.

партией скромного оркестранта. Даже не помышляя о соперничестве, она безусловно признала за Лобовым талант и профессиональное превосходство. И все же без нее торновский проект вряд ли бы состоялся, ибо каждому творцу нужен надежный тыл.

– Не нервничай, Мить. Перемелется, мука будет. Ты, как обычно, прав, потерпи, завтра все устроится, – звучал ее ободряющий голос.

В нужную минуту Тася всегда оказывалась рядом, один лишь ее взгляд придавал Лобову уверенности.

Небольшого роста, с короткой стрижкой, неброская, Тася и одевалась неброско, предпочитая спортивный стиль, и почти не пользовалась косметикой, однако тщательно следила за здоровьем и за фигурой. Она была худенькой и в прекрасной физической форме. «Эй, парень, как пройти...» – Со спины ее часто принимали за мальчишку-подростка, тем более на велосипеде. Пешие или велосипедные моционы входили в ее ежедневную программу оздоровления.

На этой почве они сразу сошлись с Бьорном, который, как и полагается шведу, увлекался лыжами, коньками и всепогодным плаванием.

– Вода восемнадцать с половиной градусов, – радостно сообщил он, встретив Гронскую на берегу реки. Потом после совместного заплыва Бьорн емко сформулировал самую суть их общих интересов: – В Сведен сведы говорят: Кака сёкер мака¹³.

И не улыбаясь по натуре Тася улыбнулась.

С тех пор каждое утро перед началом работы они вместе отправлялись или на пробежку, или плавать на реку.

А еще оба высоко ценили бытовой комфорт даже в суровых полевых условиях и пытались обустроить маленькие оазисы цивилизации. Тася привезла с собой в Торново фарфоровые чашки, кофеварку и гамак, а Бьорн – коптилку для рыбы, шезлонг и большой сине-желтый зонт от солнца. Под цвет шведского флага. Флаг, кстати, он тоже привез и торжественно водрузил над своей палаткой.

Таков был ветеранский костяк торновской экспедиции, так сказать, спецы-старики. Все же остальные числились в штате практикантами, то есть попросту землекопами. Не секрет, что самый главный труд в экспедиции – труд землекопа. Носилки-лопата, носилки-лопата, а еще кирка, нож, шпатель, и так с утра до вечера. Работа скучная и однообразная.

В этом году землекопов было аж восемь человек (бюджет позволял): половину из них – студентов – Лобов привез с собой из города, еще четверых рекрутировал в Красном Рыболове. Для деревенских мужиков копать – дело привычное.

Как обычно, перед началом работ практикантов разбили на пары и распределили по участкам, а наблюдать за ними поставили Марию Геннадьевну Калашину. К ветеранам в силу возраста Машеньку причислить было нельзя, хотя на самом деле она уже два года как окончила университет, более того, училась в аспирантуре, на кафедре профессора Лобова. Впрочем, о ней, пожалуй, стоит рассказать отдельно.

¹³ Шведская поговорка. «Рыбак рыбака видит издалека».

8. Черный коп

Конец девяностых годов

Да, время было непростое. Кругом бандиты да торгаши. Первые все друг дружке стрелки забивают, по понятиям разбираются, а другие китайским барахлом на рынке трясут. Братков Андрей сторонился, не уважал. К фирменным шмоткам был абсолютно равнодушен, да и к деньгам, в общем, тоже. Но семью кормить по-любому надо, а работы нигде никакой. Сперва попробовал он было шоферить на грузовике, но контора быстро лопнула. Потом на старой отцовской «девятке» бомбил. Жена, как могла, помогала – в школе в младших классах учительницей работала. Но после их школу закрыли, а «девятка» сломалась.

Так что одним огородом и спасались – маринады, соленья, варенья. Ну и садом, конечно. Вино, самогонка, для себя и на продажу. По осени немного охота выручала, хотя охоту Андрей не жаловал – зверье жалел.

– Лучше б ты меня пожалел! – попрекала его супруга. – Как жить-то дальше будем?

Натка всегда говорила тихо, без нажима, оттого Андрею становилось еще обиднее, чем если б она благим матом на него кричала или истерики закатывала.

Не вступая с женой в спор («все одно не поймет»), Андрей начинал собирать рюкзак.

– Потерпи, Натка. Скоро все изменится, – мысленно отвечал он ей и уходил в лес, подальше и от нее, и вообще от всех.

Только там чувство собственной вины немного отпускало, домашние проблемы забывались, и он мог дышать свободно, полной грудью.

С некоторых пор Андрей стал ходить в лес каждый день, иногда даже на ночь оставался. На этот случай у него там шалаш имелся. Заимка – как он говорил. Андрей соорудил ее в горах, в узкой, поросшей колючим каркасом расселине, чтоб ни одна душа про то не узнала. А внутри все что нужно, да и много ли ему было нужно: лежанка из лапника, бушлат, котелок, фонарь, огниво и кое-чего из снаряжения, лопата, нож, труба и бэушный МД¹⁴ – подарок деда. Тот понимал, что в их деле без него никак. Как уж дед его купил, где достал и на какие шиши – Андрей не спрашивал, да дед бы и не сказал. МД – вещь дорогая, его приходилось прятать отдельно. Вдруг чего... А еще под лежанкой в шалаше имелся у него талисман – золотой рубль в холщовой мешочке, первая стоящая находка. Это уж так положено, на развод, на удачу – семейная традиция.

Из-за этого рубля тогда все и началось. Дело было в декабре, в первое воскресенье, но Андрей все равно пошел в лес, не стал исключение делать. Погода была неважная, но холода он сперва не почувствовал, заметил только, что трава инеем схватилась. А вот наверху, на горе, куда он по дури забрел, такой ветрище рванул, что он сразу обратно засобирился, чтоб до дождя успеть – туча-то над самой его макушкой ходила. В декабре в горах дожди поливают щедро, хотя не в них дело. Тут главное – не замерзнуть. Андрей заспешил, но не успел. Заметил только, что позади низкорослых елок в скале проем имеется, там и укрылся. Проем оказался просторным, навряд ли грота. В нем Андрей и устроился, огляделся – вроде сухо, не дует, стал по карманам шарить, курево искать, ну и выронил свой рубль. Тот звякнул и закатился в щель меж камней. Андрей сунул туда руку, но щель была узковата, рука не проходила, тогда он достал кирку и фонарь.

«Может, повезет камень сдвинуть?»

¹⁴ МД – металлодетектор.

Минут двадцать провозился с ним Андрей, пока сухую колючку, мох счищал, и только тогда заметил, что камень-то вроде как тёсанный... Посветил фонарем – точно. Грубо тёсанный камень, а рядом еще один, поменьше, и еще, и тоже со следами широкого зубила по поверхности, такие для кладки стен использовали.

– Но откуда ж он здесь взялся? – подумал Андрей, достал спички и, собрав сухие ветки и мох, запалил костер.

Через час у входа в его случайное укрытие уже вовсю бушевала непогода, под гору лились бурные дождевые реки, ревел ветер, но Андрей не слышал ни дождя, ни ветра, не чувствовал ни холода, ни усталости. Он весь превратился в слух и, отсекая все лишнее, улавливал только высокий сигнал своего металлодетектора. Тогда его тихое попискивание показалось Андрею прекрасней всей музыки мира.

В понедельник погода была не лучше. Но он как с низкого старта сорвался и побежал к своему гроту.

В тот день он повибрасал оттуда всю колючку, плющ и сухую листву, принесенную ветром. Потом неделю или даже дольше выгребал землю. И только после этого, прихватив из гаража домкрат, стал ворочать каменные блоки. Аккуратно, не торопясь, чтоб не сорвать спину, использовал рычаг и по очереди отваливал их ко входу в грот, а потом, чтоб снаружи все оставалось неприметно, чтоб не выдать место, сбрасывал их в ущелье. На одном из блоков, который отличался от всех других и весом, и размером, и качеством обработки, он заметил что-то вроде выпуклого рисунка человека на коне. Всадник был красивый, но камень, большой и тяжелый, мешал расчистке, его пришлось расколоть на две части и тоже выбросить. Всякий раз, избавившись от очередного слоя каменных блоков, Андрей включал МД и, затаившись, слушал. Тот пел на высокой ноте, подавая четкий сигнал. Андрей уже несколько не сомневался, что это означает. Он был уверен на сто процентов: МД «поет» про золото, но все равно не давал себе спешить, останавливал.

– Чего бежать впереди паровоза? Куда торопиться? Я не такой, как эти пришлые... – шептал он, лежа на лапнике в своем шалаше и погружаясь в сон, и мысленно обращался к жене: – Потерпи еще, Натка, теперь недолго осталось. Скоро все изменится! Совсем другая жизнь у нас начнется! Ты мне не верила, а зря. Я всегда знал, что этот лес и эти горы нам помогут и прокормят, отдадут всё, что положено нам по праву рождения. Что б ты там ни говорила! – В своих мыслях Андрей вел разговор с женой легко, непринужденно и произносил красивые слова, как у нее в книжках. – Я заберу у этой земли то, что она берегла тысячелетиями! – Эти слова все время вертелись у Андрея на языке, но почему-то сказать их вслух, жене в лицо, он не мог, не решался.

Натка их так и не услышала. Никогда.

9. Маша Калашина и ее план

*Так пусть разгорится сердце твое и душа твоя ко мне и к телу
моему и к лицу моему...*

*Из грамоты № 521, Новгород, случайная находка, условная дата
1400–1410 гг.*

Еще в понедельник аспирантка второго года кафедры древнерусской истории Московского университета Марья Геннадьевна Калашина чувствовала себя самым несчастным человеком на свете, как вдруг во вторник под вечер, примерно часов около шести, ситуация в корне изменилась. «Свершилось чудо! Самое настоящее чудо!» – подумала Мария Геннадьевна. На радостях она была готова петь, танцевать, ходить колесом, если бы только умела, и, едва сдерживая чувства, бросилась звонить подруге Ирине. Потому что именно Ирка первой подала ей идею, а потом и разработала план действий, который сейчас так замечательно сработал!

В этих делах Ирка всегда четко соображала, что тут говорить, опыта у нее реально больше. Не в пример Маше, у которой за все двадцать три года жизни было только два толковых парня, один в школе, другой в институте. С Борисом, правда, они долго встречались и даже квартиру вместе снимали. Но на последнем, пятом курсе, когда на Машин поток пришел Дмитрий Сергеевич Лобов и стал вести теорию полевой археологии, все отношения с Борькой рухнули – Маша без оглядки влюбилась в своего преподавателя и ничего с собой поделать не могла. Еще бы! На лекции Лобова сбегался народ даже с соседних потоков.

– Да, пусть это банально! Я – студентка, он – профессор, археолог с именем. Пусть таких, как я, у него пруд пруди. Пусть шансы у меня нулевые! Но зато с таким человеком, как Лобов, никогда, ни-ког-да не бывает скучно! – объясняла она Ирке, а тем временем перед ее мысленным взором вставала пресно-вежливая физиономия Бориса. Вот он берет ее за руку и произносит свое коронное «какскажешьлюбимая» с таким видом, будто говорит эту фразу уже как минимум лет двадцать.

Вопреки Машиным ожиданиям подруга не только не стала ее разубеждать, а даже, наоборот, приободрила и посоветовала записаться в лобовскую летнюю экспедицию, что Мария не откладывая и исполнила. А заодно сдала экзамены в аспирантуру, аккуратно на ту кафедру, где трудился ее горячо любимый Дмитрий Сергеевич.

Однако в лагере выяснилась ужасная вещь – у Лобова есть баба! Вернее, даже не баба, а какой-то «товарищ по партии», как Крупская у Ленина. Тихая, скромная, неприметная Тася, сразу видно, научный работник, архивный червь 70-го уровня. Но как бы то ни было, спал этот червь с Лобовым в одной палатке, а Маша промучилась весь полевой сезон как последняя дура.

– Конечно, дура! Настоящая Каша Малашина (так Марью Геннадьевну дразнили еще в школе), – с чувством заявила Ирка, услышав историю про соперницу. – Молча ходить страдать ни разу не круто! Надо было действовать!

– А может, он с ней счастлив? – попробовала возразить Маша.

– Счастлив?! Ты сначала на себя в зеркало посмотри, а потом на эту его Таську. Это же какая-то «бух-гал-тэрия»! Вас даже сравнивать нельзя.

– Внешность для него не главное! – опять возразила Маша, но, бросив взгляд в зеркало, замолчала – она была и в самом деле девушкой очень привлекательной. Натуральная блондинка с хорошей фигурой, с немножко кукольным, но в то же время умным личиком, на котором сверкали большие агатовые глаза.

– Это тебе так кажется! А мужик, будь он хоть генерал, хоть профессор, как твой обожаемый Лобов, все равно сначала на задницу и на ноги смотрит, – уверенно чеканила слова Ирка, – а уж потом... беседу ведет. У тебя с этим все в полном порядке. Ты пойми, Машк,

красивые бабы, как правило, дуры. Мы с тобой – редчайшее исключение. Прикинь, у тебя и красота, и ум, и образование, и вкус, и квартира, и папа банкир...

– Папа-то тут каким боком?

– Пока никаким, но я сейчас не об этом. Я тебе вот что скажу: современный мужик, как мотор, его завести нужно, но только не резко, а деликатно... Он ведь – интеллектual, не австра-лопитек какой-нибудь. Понимаешь, деликатно... А способов тут сто-пятьсот. Во-первых, комплименты! На похвалу мужики здорово ведутся, только упор делай не на внешность, а на профессиональную сферу. Хвали его статьи, восхищайся лекциями, цитируй книжки, закатывай глаза, короче, ты это умеешь. А во-вторых, мужчины любят внимание, пусть самое копеечное, допустим, открыточка к 23 февраля или пирожок к чаю, но постоянное. Иногда можно и на подарок потратиться. К дню рождения, скажем. Он у тебя кто? Археолог? Вот и подари ему...

– ...лопату! – продолжила Маша, и обе подруги покатались со смеху.

– Ну а, в-третьих, дорогая моя, сила женщины в ее слабости. Когда надо таскать научную макулатуру на кафедру, ты должна быть здоровой, как буйвол, но когда вы наедине остались, у тебя может случайно нога подвернуться или голова закружиться... Креативный подход, понимаешь?

Потом Ирка говорила еще про эмоциональный фон и ситуационное либидо, возникающие под влиянием глубокого декольте и мини-юбок. Словом, советов она надавала целый вагон. Маша решила действовать.

И вскоре результат не замедлил себя ждать. Пусть не явный, понятный лишь ей одной, но Лобов, похоже, клюнул!

Обычное его сухое приветствие «Здравствуйте, Мария Геннадьевна» как-то постепенно сменилось на «Доброе утро, Машенька» или даже на: «Машенька, как вы сегодня чудесно выглядите!» – а рядовая обезличенная переписка по электронке – на вполне себе персонифицированные звонки на мобильный. Однажды – после вручения поздравительной открытки к Дню единения и согласия – аспирантка Калашина с замиранием сердца приняла приглашение профессора в университетское кафе. «Давайте-ка, Машенька, кофейку сходим попить». Хотя в тот день у них на кафедре сломался электрочайник...

– Не в чайнике дело! – уверяла подругу Ирка. – Он стопудово клюнул!

Да и как не клюнуть, если аспирантка Калашина, невзирая на сильную боль в вывихнутой лодыжке, мужественно доставила забывчивому профессору флешку с презентацией его доклада за пять минут до выступления.

– О! Если бы не Калашина, то я бы сегодня имел весьма бледный вид, – рассказывал потом Лобов кому-то в кулуарах. А Маша, случайно оказавшаяся рядом, замерла и наострила уши. – Прекрасная девушка, очень толковая, и по-настоящему археологии предана, знаете, не из нынешних аусграбберов¹⁵

¹⁵ Негласный термин. Археологи-аусграбберы (от немецкого «ausgraben» – выкорчевывать, вырывать) специализируются на коммерческих раскопках, которые, как правило, лучше оплачиваются, но проводятся «для галочки» в ускоренном режиме, с нарушениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.